

знаходзілася нават “панская” рэч – грамафон коштам 80 руб. 3 хатніх рэчаў пералічаны 9 карабоў за 18 руб., сем дзежак з дошак за 21 руб., тры самавары за 27 руб., два гадзіннікі за 25 руб., чатыры абразы за 5 руб., дзве лямпы за 5 руб. Вельмі дорага ацэнены чамусьці хатні посуд: тры міскі за 80 руб., два чайнікі за 60 руб., сем катлоў па 1 руб., малочнік за 60 руб. Хутчэй за ўсё гэта былі фірмовыя вырабы з парцаліны. Бо пазней пералічаны іншыя рэчы для ежы без пазначэння іх кошту: 12 талерак, 8 відэльцаў, 8 сталовых нажоў, адна цукарніца. Запісаны таксама два вядры для вады і дзве даёнкі. Для ложкаў было 13 падушак па 10 руб. кожная, адна пярына і дзевяць коўдраў за 40 руб. У спісе мы знаходзім і пералік верхняга адзення: чатыры футры за 200 руб., чатыры паўшубкі за 40 руб., два асенніх паліто за два 45 руб., два армякі за 10 руб., адзін пінжак за 6 руб., тры касцюмы за 75 руб., два летніх паліто за 30 руб., адно футра жаночае за 36 руб.; столькі ж каштавалі два летнія жаночыя паліто, сакі жаночыя тры за 15 руб. У гардэробе знаходзім 12 жаночых сукенак за 106 руб. 3 абутку пералічаны трое жаночых ботаў за 15 руб., тры пары галёш за 12 руб., тры пары мужчынскіх ботаў за 20 руб. Ёсць у пераліку гіра і бязмен коштам за дзве рэчы тры рублі. Гаспадары з засценка Падрэчкі займаліся рыбалоўствам і паляваннем, аб гэтым сведчаць дзве стрэльбы (вось адкуль у іх і ласіныя скуры), два брэднікі для лоўлі рыбы. У пералік маёмасці ўключаны і 105 дошак, скрыня для мукі і жалезная штаба для закрывання дзвярэй. Як маёмасць упісаны і 25 дзесяцін лесу коштам 1000 руб., а таксама садовыя дрэвы: шэсць груш, 46 яблынь, 50 вішняў і сліў. З гэтага дакумента бачна, што за трыццаць год колькасць лесу скарацілася на 8 дзесяцін.

У бляшанцы-схованцы знайшліся і тры планы з міжваеннага часу. Яны таксама выкананы на парафініраванай тканіне рознакаляровай тушшу. Усе тры планы адносяцца да 1935 года, калі фальварак быў падзелены на парцэлы (асобныя ўчасткі), бо сям’я Пугавак павялічылася і трэба было надзяліць зямлёю нашчадкаў-унукаў Адама Пугаўкі. Начэрчаны план самай вялікай парцэлы складае памеры 39 на 38 см. [1, арк. 4]. Вялічыня змешчанага на ім самага вялікага надзела была 22, 6 гектары, з іх раллі 12,24 га, лесу 6,48 га, сенажацяў 2,348 га., высечанага лесу 1 га., пашы 0,09 га., дарогі 0,26 га. Пад сядзібныя пабудовы адводзілася 0,18 га. Гэты надзел, напэўна, дастаўся старэйшаму сыну Адольфа – Ювеналію. Другі план памерамі 38 на 25 см. складзены на зямлю плошчай 5,7 га [1, арк. 5]. Не глядзячы на невялікі надзел, ён утрымлівае разнастайныя найменні зямлі. Так ў першай парцэле ворнай зямлі было 3,43 га, сенажацяў 0,52 га, лясоў 1,7, вады-рэчэшча ракі Маціцы 0,0475 га. Трэці план найменшага надзелу складаў памеры 38 на 29 см [1, арк. 6]. У самай меншай парцэле пад сядзібныя пабудовы было адведзена 0,7 га, ворнай зямлі 1, 21 га, сенажацяў 1,61 га, дарогі, 0 187 га, вады 0, 04. га. Выканаў усе тры чарцяжы дыпламаваны інжынер-землямер Казімір Блажэвіч. На жаль, на планах няма імёнаў і прозвішча, каму былі выдзелены парцэлы.

Прайшло ўсяго 15 год – і пачалася калектывізацыя; лёс заможных гаспадарак быў вырашаны без удзелу саміх гаспадароў. У пастанове ваеннага трыбунала войскаў МУС па Полацкай вобласці мы знаходзім асуджаных уладальнікаў кулацкіх гаспадарак Шаркаўшчынскага раёна; паміж імі і прозвішча Пугаўкі Ювеналія Адольфавіча, гэта значыць сына Адольфа, імя якога мы знаходзім у нашых дакументах [3, с. 195]. Яшчэ адзін нашчадак з гэтай сям’і – Пугаўка Аркадзь Купрыянавіч – ваяваў супраць фашыстаў на фронце, стаў настаўнікам гісторыі, працаваў ў сярэдняй школе Новага Пагост на Мёршчыне. Але ў прыватных гутарках ніколі не ўзгадаў аб сваім сацыяльным паходжанні. Лёс іншых нашчадкаў Адама Пугаўкі патрабуе далейшага даследавання.

1. Гістарычны музей СШ №3 г. Міёры. – Асноўны Фонд 15. Воп. 4. Арк. 1–6.

2. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). – Т. 3. – Минск : Изд-во АН БССР, 1953. – 1020 с.

3. Памяць. Шаркаўшчынскі раён. – Мінск : Белта, 2004. – 512 с.

Талерко В.А.

О ЧЁМ РАССКАЗЫВАЮТ ШУТКИ БАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Культура балтийских немцев, проживающих на территории сегодняшней Балтии преимущественно до осени 1939 года, интересна для современного исследователя уже тем, что позволит сравнить их культуру с культурами других народов. По определению Иоэла Вейнберга, профессора Даугавпилсского университета, «Культура есть исторически и социально обусловленное, объективированное в разнообразных продуктах человеческой деятельности отношение че-

ловека к природе, обществу и самому себе, побуждающее человека к деятельности, регулирующее и регламентирующее человеческую деятельность во всех сферах его существования и обеспечивающее обществу возможность и способность адаптации в меняющемся мире» [1, с. 8]. При этом особый интерес вызывают общие черты и особенности культуры балтийских немцев в сравнении с культурой латышей, эстонцев, русских, а так же литовцев, евреев, поляков, белорусов и других народов. Все эти народы проживали рядом друг с другом в составе единого государства, Российской Империи, и многолетняя общая история во многом объясняет сходства и различия в разных сферах частной и общественной жизни.

В последнее время заметен значительный интерес к языковым особенностям балтийского варианта немецкого языка, который составляет важную часть культуры балтийских немцев. Например, в 2016 году была издана аннотированная библиография исследований, посвящённых языку балтийских немцев „Deutsch im Baltikum. Eine annotierte Forschungsbibliographie“ («Немецкий язык в Балтии. Аннотированная библиография исследований»). Авторы этого труда, латвийские германистки Дзинтра Леле-Розентале и Инета Балоде написали комментарии к ровно 450 работам разного объёма о немецком языке в Балтии. Без сомнения, это свидетельствует о неувядающем интересе к языку уже утраченной культуры балтийских немцев. Особенности балтийского варианта немецкого языка изучаются, прежде всего, на основании воспоминаний, литературных произведений, дневниковых записей как самих носителей этого языка, так и представителей других национальностей. В то же время активно изучается литературное наследие балтийских немцев, например, романы и рассказы Эдуарда фон Кайзерлинга, Зигфрида фон Фегезака, Вернера Бергенгрюна и др.

В данной статье речь идёт о новом поле исследований литературного наследия балтийских немцев, а именно об их шутках, имеющих название „Pratchen“. Само слово имеет нижненемецкое происхождение, на что указывали сами собиратели шуток уже начиная с 18 века. Из цитаты Лутца Макензена в общем труде „Wir Balten“ («Мы немцы», 1951) в серии „Heimat im Herzen“ («Родина в сердце») следует, что под Pratchen понимаются небольшие истории юмористического характера, имеющие много общего с «рейнскими рассказиками» [5: 260]. Главной особенностью этих шуток является их ярко выраженный региональный характер, так как главными действующими лицами являются сами балтийские немцы. Для Pratchen 18 века характерно их действие в Эстонии и Латвии, где балтийские немцы преимущественно и проживали, очень редко – в Германии. Перед второй мировой войной действие шуток нередко разыгрывалось в Германии, а после второй мировой войны местом действия оказались различные страны мира, не только Германии, что непосредственно связано с переселением балтийских немцев сначала в Польшу, а затем в Германию или другие страны мира, например, в Канаду или Америку.

Материалом данного исследования являются шутки, собранные в следующих сборниках:

- „Baltische Pratchen und andere heitere Geschichten von Balten seit der Umsiedlung 1939“, (Балтийские шутки и другие весёлые истории балтов, начиная с переселения в 1939 году), изданные Лотаром Кельбрандтом, опубликованные в 1995 году [5].
- „Das Kurbarometer“. Histörchen, Witze, Anekdoten“ (Курортный барометр. Историйки, шутки, анекдоты). Эти шутки собраны Отто Церликом и опубликованы в 1965 году [8].
- „Der schmunzelnde Ordensritter. Ein heiteres Baltenbuch“, (Улыбающийся рыцарь ордена. Весёлая книга балтов). Составитель Вальтер Погге, книга опубликована в 1942 году [3].
- „Pereat tristitia! Baltische Histörchen und Pratchen aus der baltischen Heimat“ (Pereat tristitia! Балтийские историйки и шутки из балтийской родины). Шутки собраны Клаусом Бёмом и опубликованы в 1975 году [6].
- „Balten daheim und draussen“ (Балты дома и вне его) Оскара Ангелиуса, публикация в 1961 году [2].
- „Pratchen: edeldreiste Geschichten aus Baltischen Landen“ (Pratchen: благородно-нахальные истории из Балтийских стран), рассказаны Гансом фон Шрёдером, опубликованы в 1943 году [7].

Разброс годов публикаций указывает, прежде всего, на стремление самих балтийских немцев удержать свою культуру от исчезновения, собрать и записать юмористические истории, отражающие особенности мышления, образа жизни, традиции той национальной группы, которую они представляли до растворения в культурах других стран.

Последний священник из рода Роденпойс стоял перед открытой могилой своей третьей жены. Дважды уже стоял он здесь и прощался со своей спутницей жизни. Дважды в своей длинной жизни толпа соболезнующих поддерживала его у могилы, дважды уже пастор возвращался после этого в опустевший дом. И вот приходится пережить всё это уже в третий раз. «Как же одиноко придётся тебе пройти твой дальнейший жизненный путь, дорогой брат», - пастор соседней общины с участием пожмает руку вдовца. Но тут неожиданно сверкнул взгляд Вальтера: «Почему одиноко? Пока Бог берёт, возьму и я» [7, 233].

Комический эффект в этой шутке возникает на основе сравнения себя с Богом, приравнивая себя к Богу.

То, что мы можем читать сейчас в напечатанном виде, не должно было быть записано, т.к. эти маленькие истории были предназначены для устного пересказа. Многие собиратели отмечали одну характерную особенность устной передачи шуток, например, Лутц Макензен, говорил о том, что к этим шуткам относится не только их содержание, но и особенная, характерная для балтийских немцев мелодика речи, а так же манера самого рассказчика [5, 11]. Начинать шутку следовало нейтрально, постепенно ускоряя темп, чтобы на последних словах насладиться произведённым эффектом, замедляя темп в конце и подчёркивая этим неожиданный поворот событий. Здесь надо упомянуть, что балтийский вариант немецкого языка имел некоторые особенности произношения, что позволяло без особых усилий выделить балтийского немца среди других людей, говорящих по-немецки. Конечно, невозможно передать сегодня то произношение и ту мелодику речи, которая была характерна для тех, для кого и кем рассказывались эти шутки. Данный аспект имеет значение только для тех исследователей, кто занимается фонетическими особенностями языка. Поэтому воспользуемся письменным изложением шуток и обратимся непосредственно к их текстам.

Данное исследование основывается на анализе около 200 шуток, собранных на облачном виртуальном диске. Это расположение позволяет выделить основные моменты для их анализа. Лотар Кельбрандт, один из собирателей шуток балтийских немцев, указывает на то, что балтийские немцы, составляя в лучшие времена около 10% всего населения балтийских провинций Российской Империи, мало вступали в контакт с представителями других национальных групп. Это обуславливалось, прежде всего, их привилегированным положением в социальной структуре общества. Балтийские немцы были представителями дворянства, владельцами имений, высшим военным командованием, членами городских управлений и т.д. Находясь в своём общественном и языковом пространстве, балтийские немцы были хорошо знакомы друг с другом, часто состояли в родстве, их шутки были предназначены для пересказа в своём семейном кругу под «Шнапс и закуску» (В. Бергенгрюн, одноимённое название сборника рассказов). Ограниченный объём статьи не позволяет подробно осветить несколько аспектов, которые можно затронуть в исследовании шуток, поэтому остановимся на главных действующих лицах анализируемых текстов.

Балтийские немцы друг друга знали, поэтому в большинстве текстов называются полные или сокращённые имена, фамилии, титулы, место проживания этих людей, вид занятий и т.д. В текстах шуток эти люди оживают, проявляется их характер, образ мышления, особенности восприятия той или иной ситуации. Интересно, что можно выделить целые группы шуток, которые объединяются общим действующим лицом. Различия в титулах, например, граф или барон фон Штакельберг, в неточности передачи имён, например, Хубертус фон Тобиен или Хубертус фон Тобиас вновь указывают на устную традицию в передаче шуток от лица к лицу. Этим людей однозначно можно определить как «оригиналов», о которых говорили и писали многие собиратели шуток балтийских немцев. Лотар Кельбрандт пишет, например, об условиях для возникновения и существования такого рода людей: широта пространства, широта образа жизни балтийских немцев, толерантность по отношению к каждому, а так же время и материальная независимость [5, 11]. Среди этих оригиналов можно найти, например, нобелевского лауреата по химии Вильгельма Оствальда (1853-1932). Вне всякого сомнения, факторы свободного времени и материальной независимости дают отдельно взятому человеку возможность заниматься своими интересами и развивать собственную личность.

Со временем забылись правильные имена людей, и имена были сокращены до инициалов. Конкретизация осуществлялась путём названия места жительства, профессии, научного звания, дворянского титула или, значительно реже, национальности.

Все собранные шутки логически делятся на две большие группы: до второй мировой войны и после неё. Самыми старыми шутками представляются тексты, действие которых осуществлялось в середине 19 века. Среди таких старых шуток особенно интересны для жителей Латвии шутки о Кройцбергском (ныне Крустспилском) бароне Николасе (Николае) фон Корфе. Семья Корфов владела замком в сегодняшнем Крустспилсе до 1920 года (9, Electronic resource). Сотрудники музея, организованного в замке, собирают по крупицам информацию о его бывших обитателях. Один из этих владельцев отличался чувством юмора, сохранившим его имя на несколько веков. Например, рассказ о его участии в русско-турецкой войне 1877-1878 года. Этот текст является продуктом литературной обработки, целью которой была не устная передача неожиданной ситуации со знакомым человеком, а подготовка данного текста к публикации. Автор литературной обработки понимал, что через 20 лет после публикации данного текста уже трудно будет вспомнить подробности характеристики главного персонажа.

Иногда в своём вранье барон заходил слишком далеко. Так он рассказывал об одной битве – похоже, что с турками – в которой он якобы принимал участие.

«Это была битва», - сказал он, - «в которой я потерял свой правый глаз». Один из его слушателей удивлённо взглянул на барона» «Простите, дорогой барон, у Вас же оба глаза!»

Барон взглядом поставил наглого слушателя на место и без доли смущения продолжил свой рассказ, сверкая обоими здоровыми глазами: «... в которой, как я уже сказал, я потерял свой правый глаз» [3, 12].

Значительную часть старых текстов составляют шутки о студенческой жизни в Дорпате (ныне Тарту). Речь идёт о забавных студенческих проделках, из которых можно иногда догадаться об особенностях студенческой жизни, почувствовать особую атмосферу многонационального университетского города.

После шумной вечеринки за городом, на которой праздновалось посвящение в студенты, один только что посвящённый возвращался домой, в городскую квартиру. Алкоголь и усталость взяли верх, и студент пристроился поспать на большом сухом камне. Незаметно пошёл утренний дождик, под камнем зажурчала вода. Какой-то студент старшего курса, торопившийся на утренний семинар, дружески предложил свою помощь промокнутому насквозь первокурснику. Ответ прозвучал откуда-то между шапкой и бородой: «Я позволяю отвести меня домой только моим землякам!» [6, 38].

Эта шутка воспринимается как исключение в студенческой жизни университетского города 19 века, поэтому она и сохранилась в устной памяти балтийских немцев. Известно, что университет в Дорпате (1802–1893) был единственным университетом в Балтии, предоставлявшим образование на немецком языке. Учёба в этом университете была частью жизни почти каждой немецкой семьи, проживавшей на территории сегодняшних Эстонии и Латвии. Национальный вопрос, как и вопрос происхождения, стираются в студенческой общности одним учебным заведением, общими интересами и занятиями, молодостью, что и становится понятным в предложении помощи старшим студентом. Первокурсник ещё не проникся этой общей атмосферой, поэтому для него ещё важны отношения землячества, поддержка старых контактов. Необходимо добавить, что национальные вопросы обострились в 20-х годах XX века.

Особую группу образуют шутки, действующими лицами которых являются пожилые дамы, иногда пожилые сёстры, старые баронессы или просто пожилые женщины. Именно через них передаётся, пусть и с доброй усмешкой, мысль об отсталости балтийского образа жизни в уже технически развитых 30-х годах XX века и неспособность этих женщин, и, обобщённо, всех балтийских немцев вжиться в новые условия.

Датское радио

Многие балтийские немцы оказались в 1945 году после бегства и изгнания в Гольштейнской Силезии. Две сестры, обе 49 лет отроду, проживая в деревне, узнали о смерти одной пожилой дамы в Дании. Одна из сестёр, съездив в Данию на похороны, привозит с собой кое-что из ценных вещей. Вторая сестра спрашивает: «Там не было радио, которое ты могла бы привезти с собой?» Ответ: «Что за глупый вопрос! Зачем нам радио, если в нём говорят по-датски!» [5, 50].

Особенно часто такие женские персонажи становятся субъектом шуток в более позднее время, в Вартегау, в Познани, Мюнхене и других городах Германии и в странах, куда им пришлось переселиться из привычных родных мест. Вместе с трагикомичностью этих женских образов

читатель испытывает симпатию к пожилым дамам, пытающимся не вешать голову под тяжёлыми ударами судьбы. Для этих дам главным является понятие семьи. В семьях балтийских немцев нередко незамужняя сестра жены оставалась в семье замужней сестры. Эти женщины иногда присматривали за детьми, помогали по хозяйству и являлись главными хранителями семейных и национальных традиций. Этим объясняется довольно частое упоминание двух пожилых дам, чаще всего сестёр, как действующих лиц повествования.

Как можно заключить из приведённых примеров, внимательное прочтение шуток может стать хорошим источником для понимания образа жизни, традиций, привычек и т.д. балтийских немцев, то есть того, что часто требует дополнения и конкретизации. Кроме того, интересным представляется прослеживание судеб конкретных людей, сопоставление уже известных сведений о них с теми данными, которые можно получить из текстов шуток. Многого можно узнать и о семьях, именах, в которых проживали балтийские немцы, об особенностях студенческой, церковной, школьной, городской и т.д. жизни. Без сомнения, подобного рода тексты могут дать интересный материал для дальнейшей исследовательской работы.

1. Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – Москва: Наука, гл. ред. Восточной литературы, 1986. 208 с.
2. Angelius, Oskar. Balten daheim und draussen: Pratchen, Skizzen und Glossen. - Hannover-Döhren: Hirschheydt, 1961. 107 S.
3. Der schmunzelnde Ordensritter. Ein heiteres Baltenbuch. Walter M. Pogge (hrsg.). - Berlin: Grenze und Ausland, 1942. 56 S.
4. Heimat im Herzen. Wir Balten. Boehm, Max Hildebert (hrsg.). – Salzburg: Akad. Gemeinschaftsverlag, 1951. 389 S.
5. Kaehlbrandt, Lothar. Baltische Pratchen und andere heitere Geschichten von Balten seit der Umsiedlung 1939. - Köln: Mare Balticum, 1995. 104 S.
6. Pereat tristitia! Baltische Histörchen und Pratchen aus der baltischen Heimat. Klaus Boehm (hrsg.). - Friedrichshafen am Bodensee, 1975. 73 Seiten.
7. Schröder, Hans von. Pratchen: edeldreiste Geschichten aus Baltischen Landen. - Posen : Bruhns, 1943. 367 S.
8. Zerlik, Otto, „Das Kurbarometer“. Histörchen, Witze, Anekdoten. - Augsburg: Kraft Verlag, ca. 1965. 105 S.
9. Jēkabpils (Jakobstadt) [Electronic resource] <https://tourmet.lv/page.php?id=1498> Date of access: 31.01.2019.

